

«УТВЕРЖДАЮ»

Ректор Бурятского государственного университета
Н. И. Мошкин

«09» июня 2017 г.

О Т З Ы В

ведущей организации

на диссертацию ПОКОЯКОВОЙ Марины Александровны
«Этнокультурный и гендерный аспекты репрезентации бинарной оппозиции
мужчина/женщина в языковом сознании носителей
хакасского, русского и английского языков»
на соискание учёной степени кандидата
филологических наук по специальности
10.02.19 – теория языка

Этнопсихолингвистическое диссертационное исследование
ПОКОЯКОВОЙ Марины Александровны посвящено выявлению и описанию
фрагмента языкового сознания носителей хакасской, русской и английской
культур, представленного перцептивно-продуктивной ассоциативной
семантикой оппозиции *мужчина/женщина*.

В свете аксиомы, постулирующей ассоциативную природу речевой
семантики (а не словарную в традиционном смысле), несомненна
актуальность темы рецензируемой работы. По формулировке автора, это
звучит как «выявление социо- и этнокультурных особенностей развития
системы гендерных отношений и их психолингвистическая репрезентация
способствует минимизации субъективной редукции словарных дефиниций».
Второй уровень актуальности – межкультурный – объясняется «важностью
кросскультурных исследований по выявлению этнокультурной специфики

языкового сознания, влияющей на эффективность межкультурной коммуникации» (с. 4 текста диссертации).

Предложенные Кариной Александровной определение *объекта* и его спецификация посредством *предмета* исследования как «этнокультурные и гендерные характеристики, определяющие структуру и содержание образов мужчины и женщины в сравниваемых лингвокультурах», считаем корректными, поскольку они соответствуют заявленной методологии изучения и решения проблематики.

Целью научного изыскания явилось выявление универсалий, этнокультурных и гендерных особенностей психолингвистического содержания бинарной оппозиции мужчина/женщина в динамике его развития в трех языках.

Для достижения поставленной цели диссертант решает семь *задач*, которые представляют собой хорошо продуманную последовательность исследовательских шагов, методологически соответствуя как теоретическому заказу, так и организации многоэтапного экспериментального исследования и разносторонней обработки его результатов. Все поставленные диссертантом задачи успешно решены.

В связи с использованными *методами исследования* представляется важным особо отметить продуктивность применения в рецензируемой работе (наряду с общенаучными методами теоретического анализа) определённых наборов экспериментальных процедур и метода моделирования, позволяющего наглядно представить результаты разных этапов реализации программы исследования. Подчеркнём, что эта программа включала 5 экспериментов, которые были проведены за период 2009–2013 годов с варьированием не только характера предъявляемого испытуемым материала, но и условий его идентификации при различающихся культурных и статусных особенностях участников экспериментов. Такое экспериментальное варьирование в комплексе с разносторонним анализом

научной литературы по обсуждаемым вопросам обеспечило высокий уровень *достоверности* выводов по результатам рецензируемого труда.

Обсуждаемая диссертационная работа, несомненно, характеризуется *новизной* и *теоретической значимостью*, которые прежде всего определяются разработкой комплексного подхода к описанию фрагмента языкового сознания в этнокультурном и гендерном аспектах. Новым является уточнение соответствующих словарных дефиниций для лексикографических источников трех языков – новизна, которая предопределяет *практическую* значимость полученных диссертантом результатов.

Основными достоинствами, которые могут по определению служить основаниями для признания методологической и концептуальной состоятельности данной кандидатской диссертации являются следующие результаты:

1) в связи с многомерным и разнопрофильным статусом модуса сознания описан и привлечен теоретический материал российских и зарубежных учёных, представляющий большой набор научных дисциплин, прежде всего – психолингвистику, этнокультурологию, философию, гендерную психологию;

2) вовлечено в психолингвистические эксперименты внушительное количество субъектов (1030 человек), представляющих 3 культуры;

3) выявлены и описаны трансформации, произошедшие через определенный временной период в ассоциативных полях носителей трёх языков-культур: сопоставляются 2036 реакций, полученных при проведении свободного ассоциативного эксперимента, и 2230 реакций по данным ассоциативных словарей и тезаурусов.

Данные результаты валидизируют и верифицируют сделанные выводы. Важно заметить, что многоуровневость темы ряда мультидисциплинарных исследований, каковой является экспертируемая работа, нередко становится отрицательным фактором, поскольку она приводит к путанице условий

взаимоотношений и взаимодействий, в которых функционирует изучаемый объект. Отрадно, что К.А. Покоякова сумела избежать этого, каким образом, рассмотрим далее.

Вход в тему исследования начинается с толкования сознания: от социологии и психологии к подробному в психолингвистике, в т.ч. в рамках деятельностной концепции (А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, В. П. Зинченко). Далее Карина Александровна обосновывает центральность для психолингвистики понятия «языковое сознание» детальным критическим обзором различных подходов к его изучению и постулированием убедительности определения языкового сознания, предложенного Е. Ф. Тарасовым (2000). В данном определении автор работы и находит методологическое обоснование проведения экспериментальной части исследования: совокупность образов сознания овнешняется наряду с языковыми средствами также посредством ассоциативных полей и ассоциативных тезаурусов, которые способствуют выявлению психологически реальных значений слов (с. 19 текста диссертации).

Реализм психологических значений, как известно, связан с конкретным индивидуумом, представляющим этнокультурное сообщество. Обоснованному описанию последнего посвящен пункт 1.2. Здесь диссертант выделяет определение этноязыкового сознания, данное И. В. Приваловой как «ансамбль когнитивно-эмотивных и аксиологических структур, национальная маркированность которых обеспечивает их вариабельность от одной культуры к другой» (2005). Что касается культуры и этнической картины мира, дефиниционный приоритет отдается С. В. Лурье: первое понимается как «психологический адаптивный механизм, который дает человеку возможность определить себя в мире и позволяет сформировать образ мира» и второе – как «осознаваемые и бессознательные представления человека о мире, сформировавшиеся на основании этнических констант и ценностных доминант» (1997).

Для последовательного обоснования идеи о том, что культура тесно связана с сознанием человека, т.е. с образами мира, описывается логический ряд «культурная традиция – культурная парадигма – культурное ядро – этническая картина мира – этнокультурные константы, доминанты – национальный менталитет – специфический способ восприятия и понимания действительности – социальные и этнические стереотипы». Внимание к автостереотипам (я/мы) и гетеростереотипам (он/они) позволило автору плавно перейти к изучению межкультурной коммуникации и, отдельно, типологии ассоциативных словарей английского, русского и хакасского языков.

Гендерная тема в целом и восприятия образов мужчины и женщины в частности вводится в 1.3 с указания их места в ядре языкового сознания носителей сопоставляемых языков (man/woman – 2-ое/31-ое, мужчина/женщина – 34-ое/39-ое; реакция *мужчина* к стимулу ЧЕЛОВЕК – 1-ое в хакасском и 2-ое в русском языке (по: Боргоякова 2003)). Заслуживает поощрения разносторонний обзор научной литературы, посвященной исследованиям гендерного аспекта разного проявления (с.с. 36-45). Непосредственно психолингвистический подход к изучению проблемы позволяет исследователю выявить множество аспектов, затронутых или описанных в современных исследованиях, в т.ч. на интра- и интерязыковом материале, внутри пола и на межгендерном уровне. Отдельного внимания обоснованно удостоена работа А. Г. Фомина «Психолингвистическая концепция гендерной языковой личности» (2004), где экспериментально выявлены андрогинный, маскулинный и феминный типы личности россиян и американцев обоего пола.

Заслуживает похвалы философская «начинка» оппозитивных отношений как средства категоризации образа мира и их языковой репрезентации, данная в начале пунктов 2.1 и 2.2 устами философов от Аристотеля до современных ученых. Дальнейшее описание антонимической

бинарности Ч. Огдена, на первый взгляд, кажется излишне детальным, однако, как думается, диссертанту был интересен сам принцип градуальности, положенный в основу его экспериментов, и ноэтический принцип антонимической стратегии ассоциирования Homo Sapiens вообще (одной из ведущих обратных реакций на слово-стимул WOMAN/ЖЕНЩИНА является man/мужчина).

Отдельный интерес представляет описание этимологии хакасской лексемы «муж» как части семантического объема *kizi* «человек», что предопределяет априорное превосходство мужчины над женщиной (ср. с ситуацией *man*), тогда как *ипчи: иб* – «юрта, жилище» + аффикс *чи* как «род занятий и производитель действия» («домохозяйка»). Подобная этимология приводит к определенному рода индуктивным выводам: в случаях осознания внутренней формы лексемы-стимулы могут детерминировать способы ассоциативного мышления.

Определение лексикографических толкований оппозитивной пары на трех языках по параметрам *качества человека, возрастной критерий, биологическое предназначение, эмоциональный диапазон, сфера деятельности, семейный и общесоциальный статус, использование в качестве формы обращения* дало не только основу предстоящего сопоставления с ассоциативной базой данных, но и выявило ряд упущений авторов словарей, в т.ч. отсутствие тех или иных признаков по принципу редукционизма, искусственность значений, «авторскую субъективность представления в словарях значений слов» (с. 74). В этом смысле, как пишет Покоякова К.А., преимущества ассоциативных словарей состоят в психологически реальных значениях слова, существующих в обыденном сознании индивидов. Для обоснования данной аксиомы она приводит утверждение А.А. Залевской о том, что психологическая структура значения дает возможность выхода на некоторый фрагмент индивидуальной картины мира, выводя в «необъятную систему знаний, переживаний, связей и

отношений» (2007), Е.Ф. Тарасова – о том, что угроза «лингвистической редукции» познавательной конструкции языковой модели мира может быть преодолена конструированием «смысла слова, овнешненного при помощи нескольких принципиально разных знаковых объективаций, дополняющих друг друга» (2010), также Н. В. Уфимцевой, И.А. Стернина.

Далее, несомненным достоинством работы является практическая экспериментальная Глава 3 «Психолингвистическая репрезентации бинарной оппозиции *мужчина/женщина* в языковом сознании носителей хакасского, русского и английского языков», изложенная на сс. 80 – 162. Внушают доверие, с одной стороны, и представляют доказательную силу, с другой, количество респондентов обоего пола в возрасте от 16 до 35 лет из Хакасского государственного университета (г. Абакан, РФ) и Western Washington University (Bellingham, Washington State, USA): 330 (165 женщин и 165 мужчин) хакасов-билингвов, 350 (180 женщин и 170 мужчин) носителей русского языка, 350 (181 женщина и 169 мужчин) представителей американской культуры, и большой объём экспериментального материала (2036 реакций, полученных при проведении свободного ассоциативного эксперимента, и 2230 реакций по данным ассоциативных словарей и тезаурусов).

Соответствующие методики экспериментов подсказаны Н.В. Уфимцевой, Ю.Н. Карауловым, З.Д. Поповой, И.А. Стерниным, А.В. Рудаковой, А.А. Григорьевым, М.С. Кленской, А.Д. Палкиным.

По результатам экспериментов, адресованных на выявление ассоциатов к стимульным парам трех разрядов *ip/ipčī*, *мужчина/женщина*, *man/woman*, автором исследования

- обобщены таксономии категориальных ориентиров, формирующих семантические зоны, и их функциональная иерархия по степени частотности (*хак.*: персоналии, признаки, реалии, «это», действия;

русск.: признаки, персоналии, реалии, «это», действия; *англ.:* персоналии, признаки, реалии, «это», действия;);

- выявлены доля парадигматических и синтагматических, позитивных и негативных реакций (в хакасском и американском языковом сознании преимущественная представленность нейтральными реакциями, в русском – более положительными), и ассоциаций, связанных с архетипами традиционной ментальности и культуры;
- сопоставлены данные ассоциативного поля-1 (взятые из ассоциативных лексикографических источников) и ассоциативного поля-2, что позволяет выявить эволюцию психолингвистических значений, произошедшую с течением времен в сознании представителей трех лингвокультур;
- определены универсальные и идиоэтнические признаки трех 6 разрядов реакций;
- с точки зрения типичности/нетипичности атрибутирования выделенных качеств мужчины и женщины обобщены реактивные данные ассоциативных полей в виде гендерных стереотипов.

Наиболее интересной представляется в экспериментальной части работа по семантической интерпретации, нацеленной на моделирование семантемы слова, в которой выделяется ядро, зоны ближней, дальней и крайней периферии, в результате чего совокупно определяется индекс яркости семы (Попова, Стернин 2007, Стернин, Рудакова 2011).

Наряду с ассоциативными лексикографическими источниками предлагается сравнить результаты, показывающие объем значений традиционных толковых и ассоциативных словарей. К примеру, анализ лексикографических источников выявил от 2-х до 3-х значений слова *женщина*, а исследование обнаружило 14 психолингвистических значений. С другой стороны, исследование обнаружило динамику ассоциативного поля,

имевшую место за период с 1972 г. (времени опубликования английского ассоциативного словаря) и 2002 г. (хакасского и русского словарей): количество новых значений слов составляет от 6 до 10.

Информативны диаграммы, иллюстрирующие максимальную долю традиционных (типичных) гендерных стереотипов, представленную в русских ассоциативных полях: 79,3% в поле МУЖЧИНА и 73,2% в поле ЖЕНЩИНА; среднюю степень гендерной стереотипизации хакасских ассоциативных полей: 62,6% и 64,8% соответственно; минимальную долю типичных стереотипов в американском случае: 35,7% MAN и 31,6% WOMAN соответственно. Таким же образом распределяются доли типичных и нетипичных гетеро- и автостереотипов.

Логично, что наибольший процент нетипичных стереотипов выявлен в случае WOMAN – 18,4%, («strong», «smart», «competitive», «aggressive», «confident», «provider», «reliable», «independent»); средний процент – в хакасском ИПЧІ – 12,8% («хыйға», «азырапчатхан кізі»); наименьший – в случае ЖЕНЩИНА 7,3% («независимая», «добытчик», «сильная», «умная»).

Справедливо отмечается, что частотность гендерных стереотипов в русских и хакасских ассоциативных полях свидетельствует о традиционности представлений о социальных ролях мужчины и женщины: «мужчина – добытчик, глава семьи», «женщина – домохозяйка и хранительница очага» выступают «константами гендерных стереотипов в патриархальном обществе, отражают гендерное неравенство в РФ», при этом «респонденты-женщины имеют более выраженную склонность к стереотипному восприятию себя и мужчин, способствуя сохранению актуальности гендерных стереотипов» (с. 161). Доля всех гендерных стереотипов у женщин распределяется следующим образом: русские – 83,8%, хакасские – 72,7% и американские – 45% у АРж; у мужчин 78,7%, 69,5% и 43% соответственно. Другими словами, стереотипное восприятие образов

мужчины и женщины в трех лингвокультурах больше присуще респондентам женского пола.

Отрадно, что Покоякова К.А. также обратилась к рассмотрению вопроса андрогинности как показателя «эмансипации обоих полов, интеграции женского эмоционально-экспрессивного стиля с мужским инструментальным стилем деятельности» (определение по: Волчкова, Федяева, 2012), т.е. показателя непривязанности к социальным стереотипам. Так, хакасские и русские данные подтвердили низкую степень андрогинности, что значит – патриархальность и традиционность их мышления, в противовес американскому. Интересно то, что результаты исследования коррелируют с данными ООН 2015 г.: по индексу гендерного неравенства в рейтинге из 145 стран США занимают 28-е место, Россия 75-е.

С другой стороны, согласно инференции молодого исследователя, патриархальность мышления хакассов формирует когнитивные парадигматические модели более «теплой» ассоциативной семантики, в частности в аспекте восприятия родителей и детей в рамках целостности семьи и рода, при этом присуждая высокую оценку женскому интеллекту (4%→13,5%). Специфика русского языкового сознания в восприятии мужчины и женщины также носит традиционно-стереотипный характер, что отражается в сохранении доминирования реакций позитивных оценок и акцентировании физической и моральной силы мужчины, его роли защитника, и женщины, внешне красивой и сильной, независимой, умной и т.д. (3,5%→7,5%).

Американская – более раскрепощенная, но «холодная» или нейтральная – реакция с доминированием ассоциативной схемы контраста, подчеркивающей противоположность по полу, объясняется приоритетом индивидуальной жизни последних. Внутренняя свобода данных испытуемых позволяет указывать на трансформации в традиционной системе гендерной идентичности, анатомо-физиологические особенности, отличающие оба

пола, в т.ч. на нетрадиционную сексуальную ориентацию, на тип зрелых женщин, предпочитающих молодых мужчин (cougar, cheetah).

Другим углом анализа отмеченных идиоэтнических ассоциативных признаков является обращение к способу их образной номинации, ассоциируемой с небесными светилами, зоонимами и фитонимами.

Как известно, одним из наиболее трудно реализуемых принципов научного исследования гуманитарной сферы является принцип достоверности. Покояковой К.А. удалось соблюсти данный критерий и предоставить верификацию результатам проведенного исследования, хотя, следует признать, предоставление доказательств является по определению технологическим преимуществом любой психолингвистической работы.

Перспективы дальнейшей работы связываются в частности «с более глубоким изучением динамики гендерных стереотипов в России и США в контексте развития гендерного равенства как одной из глобальных целей устойчивого развития ООН» (с. 167), что свидетельствует о широте взглядов и пытливом уме автора.

К положениям и выводам диссертанта, вызывающим вопросы или заслуживающим отдельного обсуждения, относятся нижеследующие.

1. Постулат о том, что «языковое сознание представляется тождественным понятию «образ мира», имеющему сложную иерархическую и динамическую структуру» (с. 19) звучит чрезмерно категорично, поскольку, во-первых, оба объекта ненаблюдаемы и неосязаемы, соответственно, не подвергаются точной дескрипции с операциональной точки зрения на языке слова; во-вторых, компонента первого объекта «языковое» все-таки ограничивает границы исследуемого как фрагмента сознания, чего нет во втором случае.
2. В Положения, выносимые на защиту, не включена идея о динамике ассоциативной семантики, приводящей в случаях неучета данного

фактора к лексикографической несостоятельности, хотя в тексте диссертации дается соответствующий вывод в том или ином виде.

3. Не выдвинута гипотеза исследования. Ее присутствие сделало бы логику изложения еще более стройной, с одной стороны, и обогатило бы работу дополнительным методологическим штрихом.
4. В свете того, что лексема «персоналии» имеет устойчивую отсылку к известным личностям, соответствующий категориальный ориентир удачнее было бы назвать «индивидуум» как наименование, более близко обозначающее биологический статус ассоциируемого объекта.
5. К недостаточно четко сформулированным выводам Заключения можно отнести следующий абзац: «Несоответствия в лексикографических значениях соответствующих хакасских, русских и английских слов отражают субъективно-редуцированный характер словарных репрезентаций и социально-экономические и историко-культурные особенности России и США, что актуализирует психолингвистический аспект исследования для минимизации коммуникативных неудач при межкультурном общении» (с.163).
6. Хотя в целом работе присущи тщательная проработка материала и релевантность соответствующих ссылок, отметим одну техническую погрешность: в тексте цитата «принципиально разные знаковые объективации, дополняющие друг друга» относит нас к работе Е.Ф. Тарасова 2010 г., сс. 6–8, в библиографии указаны сс. 20–26.

Однако данные рекомендации лишь подчеркивают глубину и разносторонность достоинств. Кроме названных в начале и в середине отзыва концептуально-методологических достоинств отметим положительные качества работы, которые имеют прямое отношение к методическим и процедурным требованиям, предъявляемым к научным исследованиям:

- обоснованное и логичное построение работы, учитывающее преемственность знания и последовательную трактовку;
- вдумчивая проработка широкого круга теоретических вопросов с уточнением необходимых базовых понятий, непосредственно связанных с решением заданной проблематики;
- тщательный разносторонний анализ материалов, полученных в ходе многоэтапного экспериментального исследования;
- сопоставление результатов своего теоретического и экспериментального исследования с данными, кодифицированными в источниках других авторов;
- статистическое подкрепление всех выводов микро- и макроуровня;
- широкое представление продуктов выполненного диссертантом исследования в виде иллюстративных средств (примеров, таблиц, схем), позволивших Покояковой Карине Александровне наглядно смоделировать исследуемые процессы и продемонстрировать метапредметные умения находить, обрабатывать информацию, синтезировать ее с данными из другой области;
- грамотное – с точки зрения нормативности русского языка – изложение материала на достаточно плотном научном языке;
- полнота отражения результатов исследования в 16 публикациях общим объемом 4 печатных листа, в т.ч. 6 публикациях в рецензируемых ВАК МОН РФ научных изданиях, и апробация основных положений на международных, всероссийских и региональных научных конференциях.

Все сказанное позволяет прийти к заключению о том, что рецензируемое диссертационное исследование К.А. Покояковой отвечает требованиям п. 9 -11 «Положения о порядке присуждения учёных степеней» Постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 №842, на

основании которых оцениваются кандидатские диссертации, являясь законченным, самостоятельным научным изысканием, в котором решен ряд важных для теории языка задач, и автор – Покоякова Карина Александровна – заслуживает присуждения ей учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.19 – теория языка.

Отзыв составлен д.филол.н., доц. Дашинимаевой Полиной Пурбуевной, обсуждён и утверждён на заседании кафедры перевода и межкультурной коммуникации Института филологии и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета от 29 мая 2017 г., протокол № 9.

Зав. кафедрой перевода и

межкультурной коммуникации, к пед.н. _____

Boxach

Н.А. Бохач

Бохач Нина Александровна

Общий отдел	
Правильность подписи	<i>Boxach N.A.</i>
	заверяю
<i>Шумилов</i>	<i>Гроссманко М.В.</i>
" 09 "	06 2017г.

Адрес: 670000, Республика Бурятия,
г. Улан – Удэ, ул. Смолина, д. 24 а
тел. +7(3012)297-170
E-mai: univer@bsu.ru